

Рыночная экономика на современном этапе развития: преходящая болезнь или системный кризис?

А.И. Бельчук

УДК 338.242
ББК 65.050
Б-444

В многочисленных публикациях, появившихся после начала мирового финансово-экономического кризиса в 2008 году и последовавшего за ним периода стагнации или замедленного развития развитой части мира, главной проблемой является оценка влияния этих процессов на последующее глобальное развитие, выявление основных черт нового периода, а также поиск ответа на коренной вопрос: не означают ли эти процессы вступление мировой рыночной системы в завершающую стадию своего роста, в стадию исчерпания потенциала своего дальнейшего развития как определённой социально-экономической системы?

В любом случае стало очевидным, что новый послекризисный период мирового развития будет существенно отличаться от предшествовавшей картины, а какой будет эта картина в дальнейшем, не очень ясно. Можно констатировать, что пока в подавляющем большинстве оценок перспектив экономического развития мира, прежде всего его развитой части, доминирует весьма сдержанный, если не сказать пессимистический, подход. Ожидается, что, по крайней мере, до конца текущего десятилетия, а скорее всего – ещё дольше, общие темпы роста в Европе, США и Японии будут более чем скромными: 2-2,5% в год с периодами кризисного падения производства. Положение в развивающихся странах, прежде всего в локомотивах роста: Китае, Индии, Бразилии – ожидается существенно более благоприятным: 4-6% среднегодового роста ВВП. Соответственно упадут и темпы развития мировой торговли и экспорта производительного капитала.

В качестве главных источников этих оценок выступают международные организации, многие ведущие экономисты и политики (1). Это, конечно, авторитет-

ные источники, но в большинстве оценок очевиден недостаток объяснения новых механизмов развития, от которых и будут зависеть результаты. Объяснения, как правило, частичные и не всегда убедительные. Пока доминируют авторитеты, а не аналитический подход.

Важной в общих течениях экономической жизни является позиция международных экономических организаций «семейства ООН», в особенности МВФ, Всемирного Банка, региональных экономических комиссий, ЮНКТАД. Позиции этих организаций совпадают не по всем вопросам, но, тем не менее, имеется определённая общая основа, которая разделяется в большей или меньшей степени большинством межправительственных организаций. Как общая исходная позиция все согласны с положением, что в основе сложившейся ситуации лежит глобальная нехватка спроса, хотя объяснение причин такого явления различное, а нередко эти причины вообще глубоко не анализируются.

Из теоретических положений особое внимание привлекает начавшаяся активная критика центрального тезиса в теориях экономического либерализма об автоматическом саморегулировании рыночной системы, делающем ненужным активное вмешательство государства в экономику, поскольку рынок делает всё лучше, чем государство. «Сегодня, уже после того, как крах произошёл, почти все заявляют, что регулирование необходимо; по крайней мере, подобные утверждения мы теперь слышим гораздо чаще, чем до кризиса»¹ (2). Эти слова нобелевского лауреата Д. Стиглица в его последней книге говорят о начавшемся процессе отхода от безусловного доминирования либерализма в экономике и политике, установившегося после прихода к власти М.Тэтчер в Великобритании и Р.Рейгана в США. В экономической теории и практике последних лет это является важнейшим изменением, хотя многие сторонники дерегулирования пока ещё не собираются отказываться от своих позиций.

Поскольку по всеобщему убеждению центральная роль в мировых кризисных и посткризисных процессах несомненно принадлежит финансовым факторам, все учёные и политики обращают на них особое внимание, но, разумеется, объяснение их роли различается у экономистов и практических политиков, в зависимости от теоретической ориентации и конкретных условий, сложившихся в различных странах. Стало очевидным, что безудержное расширение финансовой сферы, изобретение всё новых финансовых инструментов, создававших иллюзию стабильности у банков и вкладчиков, лежит в основе многих кризисных процессов, хотя конкретный механизм воздействия разбухания денежной сферы на экономику и представления о необходимых контрмерах в политике существенно различались. Одни предлагали рубить гордиев узел проблем мечом, другие рассчитывали ре-

¹ Стиглиц Д. Крутое пике, М.: ЭКСМО, 2011, с.41

шать проблемы лечением, убирая очевидные несоответствия, но оставляя всю конструкцию в целости. Многие указывают на такие факторы, как «жадность банкиров», чрезмерную секьюритизацию компаний и несбалансированность американской экономики – привычку многих жить не по средствам.

Ещё один аспект, который нашёл особую поддержку во многих международных организациях, необходимость существенного усиления глобального экономического регулирования. Глобализация и интенсификация международных экономических отношений потребовали повышения уровня согласования экономической политики, прежде всего, ведущих стран. Но это наталкивалось на различие национальных интересов, на нежелание руководства большинства государств передавать свои управленческие полномочия на наднациональный уровень из-за опасений, что принимаемые на этом уровне решения будут отвечать преимущественно интересам других стран. Руководство ооновских организаций указывает на то, что именно ООН, при всех своих недостатках, является наиболее подходящей системой для выполнения данных функций в связи с глобальным характером своей деятельности, традициями постоянных поисков компромиссов, большим и разнообразным опытом работы. Однако руководство большинства стран пока не проявляет особого желания идти по этому пути.

Для нас основная цель данной публикации заключается в попытке выявить главные новые факторы, влияющие на характер развития рыночной экономики, включая циклические аспекты, и соответственно – на общие перспективы её развития.

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НОВЫЙ МЕХАНИЗМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Инфляция изменила циклический характер движения цен. Большую часть времени существования рыночной экономики как доминирующей системы, а именно до эпохи, начавшейся после окончания второй мировой войны, цены всегда падали в фазе кризиса, и это явление, с одной стороны, усугубляло течение кризиса, но, с другой стороны, облегчало выход из него. При более низком уровне цен увеличивался спрос и удешевлялось обновление основного капитала, что давало толчок выходу из кризиса, хотя одновременно падение цен осложняло процесс воспроизводства и нередко приводило к банкротству предприятий. Отсутствие существенного падения цен является принципиальным изменением в базисном механизме развития рыночной экономики, прежде всего в циклическом характере её движения.

Общее падение цен в течение хотя бы нескольких кварталов года практически исчезло как значимый феномен экономического развития уже после 50-х годов прошлого столетия. Правда, общее падение годового индекса цен (в качестве главного показателя, как правило, используется индекс потребительских цен) впервые

за послевоенный период появилось в 2009 году в ряде развитых стран в фазе последнего мирового финансово-экономического кризиса, но это падение было весьма скромным (как правило, в пределах 1%-2% в год), неустойчивым и большинство стран не затронуло. Конечно, падение цен на индивидуальные товары и на отдельные отраслевые индексы цен сохранилось. Это, прежде всего, касалось цен на топливо, сырьё и продовольствие, а также цен на электронику, где отмечались достаточно значительные колебания цен, но на данные товарные группы приходится меньшая часть товарной массы.

Эти явления породили ещё один важный феномен в механизме воспроизводства: они изменили и затруднили процесс переноса результатов научно-технического прогресса из областей, где он имел место, на другие производства и отрасли. Раньше этот перенос действовал в том числе с помощью удешевления продукции, затронутой научно-техническим прогрессом, что снижало издержки производства в смежных отраслях и облегчало поддержание потребительских расходов населения. Когда общее снижение цен исчезло, механизм переноса технического прогресса стал более сложным и длительным. Вместо снижения цен эффект переноса возникал из-за различных темпов повышения цен на отдельные виды продукции. По нашему мнению, это стало одним из факторов общего замедления научно-технического прогресса в рыночной экономике в настоящее время.

Резко уменьшились кредитные лимиты в процессе воспроизводства и ограничения на рост других составных частей денежной массы. Особенно это типично для США в связи с ролью доллара как ключевой (резервной плюс расчетной) мировой валюты. Условно говоря, Федеральная резервная система США может «напечатать» столько долларов, сколько нужно. (Конечно, речь идёт не только о наличных деньгах.) Кредитная политика, как известно, – один из важнейших инструментов борьбы с кризисом. Первое, с чего началась антикризисная политика в большинстве стран – накачивание банковской системы деньгами. На это были потрачены сотни миллиардов и даже триллионы долларов. В частности, в США в соответствии с аудитом, проведённым конгрессом США, в американскую, а также в мировую экономику, через Федеральную резервную систему было вброшено примерно два триллиона долларов в течение 2007 – 2010 гг. Было принято решение, что в случае необходимости денежная масса может быть расширена на 16 триллионов долларов (3)². Кредитные учреждения Китая и России получили от государства в период кризиса примерно по 600 млрд долл. и т.п. Конечно, деньги достались не всем. Кое-кто даже из «великих» разорился³, уже не говоря о «мелочи».

Но так или иначе исчез всеобщий дефицит денег, типичный для фазы кризиса в прежние времена. Дефицит остался для некоторых, менее «привилегированных» компаний. К тому же политика учетных ставок центральных банков – также один

² Касатонов В. «Аргументы и факты», 2013 г., № 5, с.20

³ см. Lehman Brothers, а также ипотечные гиганты Fanny Mae and Freddy Mac

из важнейших инструментов антикризисной политики – была вообще удивительной: ставка рефинансирования ЦБ нередко устанавливалась на невероятно низком уровне, близком к нулю. В Японии она вообще была нулевой в течение некоторого времени. Одним словом – бери кредитов столько, сколько душа захочет! Кажется, что в этих условиях, о каком кризисе перепроизводства может идти речь? Ведь кризис всегда означал, что товаров и услуг на рынке слишком много по сравнению с платёжеспособным спросом, представленным прежде всего объёмом денежной массы. Отсюда и затруднения со сбытом и всё, что с этим связано. Сейчас же лимиты роста денежной массы стали носить условный характер, хотя сторонники монетаризма с их трепетным отношением к контролю за денежной массой по-прежнему занимают весьма прочные позиции в структурах экономической власти большинства развитых стран.

Однако реакция экономики на сверхнизкие процентные ставки была удивительной: никакого заметного оживления инвестиционной активности не наблюдалось в затронутых данными процессами странах. Это важное обстоятельство, которое свидетельствует о принципиальных изменениях в эффективности различных инструментов антикризисной политики в последнем периоде развития.

Россия здесь является исключением. Некоторое снижение учётных ставок в стране также произошло, но их общий уровень по-прежнему является высоким и безусловно оказывает серьёзное сдерживающее влияние на капиталовложения. Можно ожидать, что в случае существенного снижения стоимости кредита в России, пусть даже не до экстремального «европейско – японского» уровня 2009-х – 2010-х годов, инвестиционная активность в стране намного бы выросла.

Возникло явное противоречие между уровнем интернационализации мировой экономики и преимущественно национальным характером антициклической политики, о чём уже упоминалось ранее. Это особенно характерно для двух крупнейших экономик мира: США и Китая. Даже в ЕС механизм единой антициклической политики не полностью согласован и отработан. Международный валютный фонд и Мировой банк не имеют достаточных полномочий, чтобы претендовать на выработку главных обязательных направлений мировой финансово-экономической политики, а если бы такие полномочия у них бы и были, вряд ли их можно было бы широко использовать в условиях, когда существуют серьёзное расхождение в интересах между рядом ведущих мировых держав и соответственно в том, какой должна быть такая политика. По-видимому, в принципе было бы возможным достижение больших договорённостей о гармонизации мировой экономической политики на международном уровне, чем это имеет место в настоящее время, хотя определённое согласование политики (явно недостаточное) имело место. К этому подталкивают очевидные общие негативные последствия из-за несогласованности экономической политики многих стран. Но существующие противоречия между государствами ставят весьма узкие рамки таким договорённостям. Положение,

очевидно, могло бы измениться в случае, если бы возник новый, ещё более глубокий и разрушительный мировой экономический кризис, который бы заставил пойти на более серьёзные договорённости.

Сильнейший рост государственной задолженности в большинстве стран. Лидером здесь является Япония, где государственный долг превысил 200% от ВВП страны, в США он достиг отметки примерно в 100% ВВП, в странах ЕС он колеблется в пределах 60-80% ВВП, уже не говоря о Греции, Испании и Португалии – главных кандидатах на дефолт, где этот уровень приближается к 130-150% ВВП.

Задолженность накапливалась постепенно, но после масштабных госрасходов на борьбу с кризисом в 2008 – 2009 годах государственная задолженность повсеместно вышла на уровень, вызвавший всеобщую озабоченность, а кое-где (в Европе) даже панику. Начались массовые ограничения государственных расходов и попытки в других формах уменьшить рост госдолгов.

Пока не очень ясно, какими будут успехи по ограничению роста государственной задолженности, но очевидно одно – такая политика весьма сильно уменьшит антикризисные потенции государства в будущем. Похоже на то, что укрепление финансовой стабильности, которая ныне сделана приоритетом экономической политики, будет достигаться за счёт снижения темпов экономического роста и уменьшения иммунитета от кризисов.

Если даже стагнация экономики заставит отойти от жёсткой финансовой смирительной рубашки, то неизбежным следствием этого станет усиление инфляции, симптомы чего уже появились с 2012 года. Старая дилемма, которая уже давно была сформулирована американским экономистом Хансеном: «Сцилла кризиса или Харибда инфляции» будет становиться всё более актуальной.

Как следует оценить баланс влияния ТНК и конкуренции на процесс рыночного воспроизводства на современном этапе и соответственно – на циклический характер экономического развития? Как известно, конкуренция – главный генератор научно-технического прогресса в рыночной экономике. Лишённая конкуренции рыночная система неизбежно потеряет большую часть своей эффективности. Поэтому В.И. Ленин в начале 20-го столетия пришел к выводу о переходе капитализма к своей завершающей фазе – эпохе монополистического капитализма на основе установившегося господства крупных компаний, которые он назвал монополиями, что привело к ослаблению конкуренции. Эта эпоха, по его мнению, должна была завершиться относительно скоро социалистическими революциями.

Как показало последующее развитие, Ленин поторопился. Во-первых, в большинстве случаев крупные компании не превращались в монополии. Это, как правило, были олигополии, т.е. доминирование нескольких крупных компаний, между которыми существовала конкуренция («монополистическая конкуренция»), хотя и в изменённом виде. Во-вторых, сохранились широкие слои мелких и средних предприятий, обычно зависимых от крупных, но не терявших своих базисных

«рыночных добродетелей». В-третьих, усилилась международная конкуренция с «соратниками по оружию», транснациональными корпорациями из других стран. Таким образом, конкуренция сохранилась, но она видоизменилась, хотя на некоторых рынках действительно ослабла. Как показала история, научно-технический прогресс продолжался и после того, как тенденции к монополизации в экономике стали очевидными уже с последней четверти 19-го столетия. Но количественные и качественные изменения в системе накапливались. Глобализация способствовала резкому усилению концентрации капитала и производства, вовлечению буквально всех стран в систему мирового хозяйства, ставшую единой после краха мировой соцсистемы, расширению масштабов и влияния ТНК. Они стали распоряжаться гигантскими средствами в сотни миллиардов и триллионы долларов и воздействовать в сильной степени на политику правительств многих стран. Завершился процесс экстенсивного расширения мирового хозяйства в результате вовлечения в систему бывших социалистических государств и оставшихся «неохваченными» ранее развивающихся стран. Позитивный рыночный эффект такого расширения к настоящему моменту оказался в основном исчерпанным. Всё это не могло не подействовать на циклическое и воспроизводственное развитие отдельных стран и мирового хозяйства в целом. Циклические процессы всё больше синхронизировались; периферия мирового хозяйства перестала светить только «отраженным светом» от её развитого ядра и частично приобрела самостоятельные системообразующие функции.

ФАКТОРЫ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МИРОВОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Переход развитых стран к новому, уже шестому, технологическому укладу. Одним из главных сторонников такого подхода в России является академик С.Ю. Глазьев. Главное содержание этого подхода – центр тяжести мирового экономического развития смещается в направлении медицины, биологии, борьбы с дефицитом и удорожанием энергии, экономии и создании новых материалов как реакция на обостряющийся ресурсный кризис. Мировой продовольственный кризис недопроизводства, который обозначился относительно недавно, должен способствовать появлению новых, более продуктивных сортов сельскохозяйственных растений и животных, новой сельскохозяйственной техники и технологий, активизации научных исследований в этих областях. По-видимому, ослабеет борьба против генно-модифицированного продовольствия, которая весьма активна в Европе, Японии и России. Голод и недоедание заставят многих изменить позицию.

Подход сторонников перехода наиболее развитых стран к новому технологическому укладу – в конце концов наиболее оптимистический для мировой рыночной системы в целом. Фактически признаётся, что сбои в функционировании этой системы преходящие, и они аналогичны той картине, которая уже неоднократно возникала в ходе развития рыночной экономики в Европе, США и Японии. Утвержда-

ется, что в настоящее время экономика оказалась в нисходящей фазе длительного («кондратьевского») цикла. Придёт время и понижательная фаза сменится повышательной, и «всё вернётся на круги своя». Главное для России – вовремя «оседлать» факторы движения к новому технологическому циклу, «чтобы не отстать в очередной раз». Никаких фундаментальных изменений в механизме капиталистического воспроизводства, которые бы сигнализировали об исчерпании рыночной системой потенциалов развития, при таком подходе не наблюдается.

Какое влияние окажет смещение центра мирового экономического развития из нынешнего ядра мировой экономической системы в «возвышающиеся» государства, прежде всего в Китай, Индию, Бразилию, «азиатские тигры»? Многие рассматривают эти процессы как главную мину под всю нынешнюю мировую экономическую систему, предсказывая различные катаклизмы вплоть до военной конфронтации, прежде всего по линии США – Китай.

Конечно, трудно предвидеть, что произойдёт в переменной политической сфере. Раньше такие ситуации всегда кончались «большим мордобоем». Но не будем сейчас спекулировать на эту тему, всё же ситуация в мире изменилась с появлением ядерного оружия, что внушает определённую надежду на большую осмотрительность политического руководства. Ведь насколько сильны были противоречия между Советским Союзом и США после второй мировой войны, но до фронтального столкновения дело не дошло. Уж больно страшными стали бы последствия таких конфликтов. Для многих на Западе превращение ряда стран бывшего третьего мира в локомотив мирового развития затмевает собою всё остальное. Другие аспекты их волнуют гораздо меньше. Для тех, кто привык к военно-политическому и экономическому доминированию Запада в мире в течение последних примерно 500 лет, любые фундаментальные подвижки в этой области выглядят как катастрофа. Однако в данном случае нас гораздо больше волнует влияние бурного роста производительных сил в ряде развивающихся стран на исторические судьбы рыночной экономики как социально-экономической системы, чем проблемы соотношения сил в рамках этой системы.

На наш взгляд, выдвижение указанных стран на авансцену мировой экономики является главным стратегическим резервом дальнейшего существования и развития мировой рыночной системы. Некоторые из этих стран, уже не говоря о бывшем третьем мире в целом, ещё только становятся относительно развитыми рыночными экономиками. Потенци рыночной системы в этой группе стран выглядят, как нам кажется, ещё явно неизрасходованными. Если пороки «общества потребления» уже в достаточной степени проявились в странах «золотого миллиарда» и исторические пределы этого пути развития становятся всё более очевидными, то в сознании населения развивающихся государств, большинство которого относится к «обществу недопотребления», плюсы «общества потребления», которое ассоциируется с развитыми рыночными экономиками, безусловно преобладают над минусами.

Тот факт, что мировая экономика физически не в состоянии выдержать уровень потребления развитых стран для всех нынешних семи миллиардов населения земли, к тому же продолжающих расти, не имеет решающего значения для состояния менталитета населения развивающихся стран. Невозможность такого развития в целом должна ещё выявиться, на что уйдёт не один десяток лет, тем более что для ряда государств это уже становится возможностью.

Возникает вопрос: в какой мере ускоренное развитие ряда стран этой группы государств может стать фактором укрепления мировой рыночной экономики? Ведь рыночная экономика в развивающихся странах очень часто отличается от стандартов развитых стран. Следует ли ожидать, что она постепенно «дозреет до образа и подобия» системы, ныне доминирующей развитом мире, или она всё же будет эволюционировать в направлении, отличном от этих рыночных стандартов, что не даст основания для сделанного ранее вывода о том, что выдвижение ряда развивающихся стран в качестве лидеров мирового экономического развития в конечном счёте укрепит фундамент рыночной экономики как мировой социально-экономической системы?

Особого разговора здесь заслуживает Китай – страна с самым успешным экономическим развитием в мире за последние три десятилетия, самая населённая и весьма влиятельная по потенциалу воздействия своего «демонстрационного эффекта» на другие страны. По оценкам большинства специалистов, Китай, скорее всего, выйдет на первое место в мире по общему объёму валового продукта к середине 20-х годов текущего столетия. Всё это придаёт китайскому феномену исключительное значение. Как следует расценить китайский эксперимент?

Идеологическая борьба вокруг оценок китайской модели развития в последние годы идёт с нарастающей ожесточённостью, поскольку ставки очень высоки. Если китайская модель в конечном счёте окажется одним из вариантов рыночной экономики, это чрезвычайно усилит общий потенциал рыночной экономики во всём мире, если же китайская модель будет чем-то другим, может быть, искомой многими конвергентной социально-экономической моделью, картина будет принципиально другой. Значительная часть экономистов и особенно политиков во многих странах стремятся представить китайскую модель как своеобразный путь Китая к рыночной экономике. Конечно, в настоящее время отличий от нормальной рыночной экономики немало, говорят они, но это всё издержки переходного периода. Трудно ожидать, что такая огромная и во многом уникальная машина, как китайская экономика и общество в целом, быстро приобретут характеристики нормального рыночного механизма. Но со временем, может быть, даже достаточно продолжительным, основная часть различий исчезнет, и китайская экономика превратится в «добропорядочную» капиталистическую (будем называть вещи своими именами) рыночную экономику.

Пожалуй, одним наиболее ярких примеров утверждений о том, что китайская экономическая модель уже сейчас вполне рыночная, служит статья А.Н. Илларионова в журнале «Вопросы экономики» в его бытность экономическим советником президента России, посвященная экономическому развитию Китая (4). Хотя с момента её опубликования уже прошло немало времени, используемая автором аргументация типична для сторонников этой позиции. Илларионов сравнивает рыночные реформы в России и Китае, отдавая безусловный приоритет в этой области Китаю. Именно последовательная «рыночность» китайских реформ, по его мнению, и является главным фактором китайских успехов, а недостаточная рыночность российских реформ – главной причиной её проблем и неудач. Не вдаваясь в детальный разбор уровня рыночности китайской экономики – это отдельная, очень большая проблема – хотелось бы задать А.Илларионову такой вопрос: «Стран с гораздо более рыночной экономикой, чем китайская, огромное количество. Почему же никто из них даже близко не демонстрирует таких же впечатляющих успехов, как Китай?». Значит дело не только в этом.

По нашему мнению, китайская социально-экономическая модель – это не исправленный и приспособленный к китайским условиям вариант советской модели (на что тайно надеются российские коммунисты) и не промежуточный продукт рыночной экономики (как это представляется многим рыночным фундаменталистам), а самостоятельный, особый путь развития, который объединяет в себе черты рыночной экономики и некоторые несущие конструкции советской плановой системы. Сами китайцы считают её «социалистической рыночной экономикой». Поскольку проблем с рыночным содержанием китайской модели обычно не возникает, рыночные элементы очевидны и, что называется, видны невооружённым взглядом, остановимся на том, что её отличает, причём речь идёт об отличиях фундаментального характера.

Главными такими отличиями, на наш взгляд, является роль компартии в китайском экономическом механизме и сохраняющиеся определённые функции планирования в разных формах. Наибольшее значение имеют экономические функции компартии. Они весьма велики даже на частных предприятиях, уже не говоря о частно-государственных и государственных предприятиях. Последние две категории играют ведущую роль в Китае. Партийно-государственные власти фактически имеют очень широкие возможности вмешательства в работу предприятий всех форм собственности, вплоть до прямой подмены управленческих функций на предприятии. Особенно это касается смены руководства и определения направления развития предприятия (5)⁴. Напоминаем, что речь идёт не только о государственных или частно-государственных предприятиях, но и о частных.

Можно ли тем самым утверждать, что нынешняя китайская экономическая система представляет собою один из вариантов советского «партийного государ-

⁴ См., в частности, обстоятельную монографию британского журналиста и политолога Richard McGregor *The Party*. Penguin Books, L. 2011

ства» в том смысле, что фундаментальной особенностью советской системы было параллельное существование партийной системы, дублировавшей государственные органы власти по своей структуре и выполнявшей государственные функции управления? **При этом полномочия партийных органов в целом доминировали над государственными структурами. Именно в этом смысле такую систему можно назвать «партийным государством». Ни в каких других бывших социалистических странах, кроме Китая и частично Вьетнама, не наблюдалось столь всеобъемлющего превращения органов компартии в органы прямого управления, включая низовой уровень.**

Наличие безусловного сходства между обеими системами в этой ключевой области не вызывает сомнения, хотя различия, разумеется, имеются, и они существенные. Другие страны вряд ли смогут воспроизвести китайский и российский опыт создания «партийного государства», даже если бы кто-то этого очень захотел. Возникновение этих систем было следствием специфических исторических условий, сложившихся в обеих странах, глубоких всеохватывающих революций, безусловным лидером которых были компартии, их господством в обществе, распространившемся на функции непосредственного государственного управления. Такие политические системы могут быть только однопартийными (по существу, не обязательно по форме).

Что касается директивного централизованного планирования в Китае, то ныне оно охватывает ограниченное число показателей. Однако обеспечение зафиксированных в планах целей с помощью имеющихся в распоряжении государства инструментов, прежде всего финансовых, осуществляется весьма последовательно и жестко. Пока Китай не собирается целиком отказываться от планирования, в том числе директивного, хотя общая тенденция к ограничению сферы его применения несомненна.

На наш взгляд, Китай вряд ли откажется в принципе от своей нынешней модели развития, которая принесла столь впечатляющие результаты, при том что частичные изменения и реформы обязательно будут. Зачем резать курицу, которая несёт золотые яйца? Но если модель перестанет работать, то коренные изменения станут неизбежными.

Какие же общие выводы можно сделать на основании анализа изложенных нами факторов развития?

Вряд ли в ближайшие годы можно ожидать существенных позитивных изменений в общем не очень благоприятном характере развития мировой экономики, который сложился после мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Скорее всего, по крайней мере в течение ближайшего десятилетия, он останется примерно таким же – с низкими темпами экономического роста, острыми финансовыми проблемами и высокой безработицей в наиболее развитой части мира. Китай, Индия и ряд других развивающиеся государства с «растущими рынками»

останутся локомотивами роста с постепенным увеличением их экономического и политического значения. Возможности присоединения России к этой группе стран по критериям экономического развития будут зависеть в первую очередь от адекватности политики российского руководства. Возможности такого развития объективно имеются.

Анализ проблемы границ дальнейшего существования мировой рыночной системы в связи с исчерпанием потенциала её развития на основании проявившихся в последнее время базисных недостатков, не даёт основания для подобных выводов. Такие перспективы пока не проглядываются, во всяком случае в обозримом будущем. Развитие рыночных механизмов в развивающемся мире «вширь и вглубь», возможности перехода к новому технологическому укладу в ядре мировой экономики создадут условия для общего повышательного тренда, хотя возврат к высоким темпам роста маловероятен. Что последует за этим временем «тощих коров», пока сказать невозможно. Найдутся ли какие-нибудь пути вдохнуть новую жизнь в уже изрядно потускневший имидж рыночной экономики или это время станет прологом к переходу к принципиально новой системе – остаётся коренным вопросом мирового развития. Конечно, история показывает, что ни одна социально-экономическая система не является вечной. Все они со временем уходят. С этим все согласны в теории, но мало кто соглашается на практике, когда речь идёт о существующих системах, которые нам «нравятся». Когда-нибудь уйдёт и рыночная система. Но когда и как и что придёт взамен? Вопросов больше, чем ответов.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Архангельский В.Н., Кушлин В.И., Бударина А.В., Буланов В.С. Государственное регулирование рыночной экономики. Издательство: РАГС. 2008 - 616 с.
2. Илларионов А. Секреты китайского экономического чуда. // Вопросы экономики, 1998, №4, сс. 15-25.
3. МакГрегор Р. Партия: тайный мир коммунистических властителей Китая. (The party. The Secret World of China's Communist Rulers). Научно-популярное издание. Перевод с английского И.Судакевича. М.: Эксмо, 2011. - Подлинная история. – 410 с.
4. Стиглиц Дж. Крутое пике. М.: ЭКСМО. 2011 - 304 с.

